

**Арина
Ларина**

*Впусти
в своё сердце
любовь!*

**Люблю,
целую, жму лапу!**

РОМАН

Арина Ларина
Люблю, целую, жму лапу!
Серия «Милый ты мой!
Романы о доброй любви»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8707207
Арина Ларина. Люблю, целую, жму лапу!: Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-76668-0

Аннотация

Маленький, лопоухий, беззащитный... Он сидел на лестничной клетке в старой коробке и смотрел такими глазами, что было понятно – не взять щенка себе невозможно! Тем более что из-за спины раздалась команда «Берите!». Злая блондинка с пятого этажа явно умела руководить людьми... Так в жизни Рюрика Тарасова закончился покой. Решительная блондинка приходила навещать питомца в самое неподходящее время, насмеялась над Рюриком, испугала его не в меру заботливую маму. Но однажды... появилась в клубе знакомств, которым руководил Тарасов. Ага, значит, и у такой железной леди есть проблемы!

Арина Ларина

Люблю, целую, жму лапу!

Утро началось отвратительно. Ещё задолго до звонка будильника Рюрик проснулся от навязчивого воя чьей-то сигнализации. Часы показывали несусветную рань, можно было ещё спать и спать, но жалостливое «ууу-иии-ууу-иии», заливавшееся в комнату через открытое настежь окно, ввинчивалось в мозг и гнало сладкий сон прочь. Серое небо, мрачно набрякшее над городом, позитива не добавляло. Обычное рабочее утро – тихое, ленивое и дождливо-грустное. Впрочем, до работы было ещё часа три!

Нет, надо было вчера лечь раньше, а не играть в шахматы по Сети. Самое обидное, что отыграться так и не получилось. Права мама – всё зло от компьютера. Теперь весь день ходить с тяжёлой головой.

За окном, балансируя на проводе, на угрюмого Рюрика укоризненно смотрела взъерошенная ворона. Дескать, да, милый мой, надо было! Тем более – мама говорила...

Прошлёпав босыми ногами по холодному полу, Рюрик недовольно задраил стеклопакет и прислушался. Вой стал тише, но всё равно лез в уши навязчивым комариным писком.

Что за люди? Вот он держал машину в гараже – очень удобно. И хозяину хорошо, и соседям никакого беспокой-

ства. Если уж быть совсем честным, машина в гараже стояла уже год. Аккуратный «Шевроле» был куплен под давлением Таньки Ханиной, бывшей одноклассницы, советчицы и просто хорошего друга. Татьяна была убедительна и напориста, как танк на кукурузном поле. Рюриковские возражения быстро оказались смятыми и раздавленными.

– Мужчина без машины – как самец без половых признаков! – вещала Ханина, потряхивая смоляной чёлкой и периодически сдувая её набок. – Вот кто ты без машины? Просто Юрик Тарасов, инженер-конструктор, нескладный, неустроенный и никому не нужный. А рядом с машиной у тебя сразу меняется аура. Женщина видит не какого-то там инженеришку без перспектив, а мужика, хозяина стального коня, рыцаря в сияющих доспехах. Жалок мужчина, волокущий даму сердца на троллейбус. Пассажир – это диагноз. Мужчина должен быть ведущим, а не ведомым. У него в руках должен быть руль, чтобы женщина сразу понимала, что ехать ей придётся туда, куда скажет хозяин.

Ханину иногда заносило, но хромая логика – это отличительная женская черта, поэтому Рюрик к Татьяниним закидонам относился снисходительно. И только ей было позволено называть его Юриком. Для остальных он был Рюрик Михайлович Тарасов. Мама говорила, что мужчина не должен позволять панибратства ни на работе, ни в личной жизни. Человека с отчеством уважают, это заложено в людской психологии – назвал по отчеству и на «вы», сразу мозг вы-

даёт сигнал: этот человек рангом выше меня. Маму Рюрик уважал и слушался. Ханину он тоже уважал и совершенно не умел с ней спорить, страдая обычной для всех интеллигентов проблемой – неумением говорить «нет».

Танька была хороша, самоуверенна и одинока. Высокая брюнетка, ухоженная, стильная, кареглазая, вечно загорелая, с неплохой фигурой и хорошей работой, она могла составить счастье любого достойного мужчины. Да вот беда – не было достойных.

– Одна фигня вокруг, – печально делилась с Рюриком Ханина. – И лучше быть ни с кем, чем с кем попало.

Свой нерастраченный материнский инстинкт она выплёскивала на друга детства, стараясь обогатить его жизненный опыт сомнительными достижениями женской логики. Так получилось и с этой несчастной машиной. Права Рюрик получил, машину купил, выложив за неё почти все сбережения, после чего выяснилось, что на работу удобнее ездить на метро. А больше ездить было некуда. Мама жила через пару домов от него, дачи в семье не имелось, так что даже возить туда-сюда коробки с помидорными ростками и мешки с урожаем нужды не было.

– Ничего страшного. Была бы машина, а остальное приложится, – не унывала Таня, имея в виду, что приложится, видимо, должна дама сердца.

«Шевроле» из салона перекочевал в старенький гараж, доставшийся Рюрику в наследство от отца. Сам папенька исчез

из семьи много лет назад, бросив юную жену с отпрыском и отправившись навстречу приключениям. Из приключений он так и не вернулся, сгинув где-то в пути от беспробудного пьянства, зато теперь пригодился гараж, много лет простоявший пустым.

– Вот, – лучилась позитивом Ханина, – всё к лучшему, и развалюха ваша пригодилась.

Танька вообще была оптимисткой, чего сказать о Рюрике не удавалось даже с большой натяжкой.

Тридцать три года для мужчины – это такой возраст, когда начинаешь задумываться о семье. Не так исступлённо, как женщины, – с тихой истерикой и причитаниями, что время уходит. Нет, совершенно иначе. Просто начинают появляться мысли, что неплохо было бы завести кого-нибудь постоянного, чтобы гладили рубашки, варили что-нибудь вкусненькое, ждали по вечерам с работы. Конечно, мама тоже это всё может, но физиологию никто не отменял. И однажды даже самый убеждённый холостяк созревает до осознания того, что в хозяйстве нужна постоянная женщина. Это и полезно, и приятно, и очень экономно. Разумеется, если будет ещё и любовь, то совсем хорошо, а если нет, то, значит, не судьба, но можно и без особых страстей, просто жить долго и мирно в ожидании старости.

Тарасов ни о какой старости ещё не задумывался. Его начало тяготить именно отсутствие любви. Мама, безусловно,

его любила, но это было не совсем то.

Маменька Валентина Петровна была женщиной властной, авторитарной и громкоголосой. У неё имелось собственное мнение по поводу личной жизни сына и его перспектив. Притом что мама постоянно попрекала его отсутствием внуков, фигура непосредственной производительницы потомства виделась Валентине Петровне весьма смутно. Её Рюшечка был умным, а что вы хотите – у мальчика институт с красным дипломом! Рюшечка был невероятно эрудированным – у него даже в туалете целая пачка кроссвордов! Рюшечка высок, красив как бог и воспитан, как герцог английский. И тут вдруг на всё это богатство припрётся какая-то деваха, недостойная столь прекрасного мальчика. Случится мезальянс, инфаркт и светопреставление. Женщина, которая станет её невесткой, должна была обладать неземным букетом добродетелей. Проще говоря, такой девицы в природе просто не существовало.

Сам Рюрик видел себя в менее радужных тонах. Да, высокий, но сутуловатый, немного нескладный, крупный, но не здоровяк, с совершенно обычным среднестатистическим лицом. Мужик как мужик. Принцесса на такого точно не позарится. Да и ему принцесса не больно-то нужна. Но кто-то определённо был нужен.

Давным-давно, ещё после школы, их с Татьяной дружба едва не переросла в нечто большее. Наивный и неопытный юноша перепутал дружбу с любовью, собравшись до пенсии

дружить с бойкой чернявой одноклассницей. А что? Ноги длинные, грудь есть, личико симпатичное, и человек она хороший.

Они даже целовались один раз. Первый и последний, поскольку за этим делом голубков застучала Валентина Петровна, которая и провела с Ханиной профилактическую беседу. Наверное, слова мама подобрала очень правильные и нужные, так как больше года Рюрик с Татьяной даже не общались. А потом пересеклись на встрече выпускников, посмеялись и продолжили дружбу, не претендуя на большее. Как друг Танька была незаменима. Свой в доску парень, отзывчивый и верный человек, на которого Рюрик всегда мог положиться. Но кроме друга любому мужчине нужна и подруга.

С этим было сложно.

Идеальная женщина, с которой он мог бы ужиться, должна была быть милой, тихой, застенчивой, хозяйственной и доброй. Внешность будущей супруги Рюрик представлял себе весьма смутно. Он даже не был до конца уверен, что ему нужна именно супруга, а не просто подруга для встреч. Но это ж ясно, что любая подруга довольно быстро захочет определённости в отношениях. А то так можно всю молодость потратить на секс, а потом остаться у разбитого корыта. Тарасов был мужчиной ответственным и обязательным, поэтому понимал – женщина рано или поздно потребует гарантий, и это будет справедливо. Тут его логика давала сбой,

так как всё же планировать отношения с дамой по пунктам, словно ремонт санузла, было делом провальным. Хотелось всё же любви, страсти, эмоций и чего-то такого, что, конечно же, в природе существовало, но с ним пока ещё не случилось. Любовь – это химия. Так говорила Татьяна. Причём сама она честно признавалась, что влюблённости и страсть у неё были, а вот ничего похожего на настоящую любовь – нет.

– Это, наверное, научная фантастика, и никакой любви нет, – печалилась Ханина, изредка тихо наливаясь коктейлями в обществе бывшего одноклассника. По её собственному признанию, Юрик был единственным мужчиной, которому она доверяла на все сто. У него дома можно было напиться, поплакать и при этом с ним не переспать. – А мне так хочется большого и светлого чувства, чтобы крышу сносило, чтобы сердце останавливалось.

Тарасову хотелось того же самого. Но пока в его жизни из постоянных женщин имелись лишь бдительная маменька и Света с работы.

Светлана Егоровна Церлина была дамой в теле. Улыбчивая брюнетка со звонким голоском, короткой стрижкой а ля мадам Грицацуева и ясными голубыми глазами страстно желала замуж. Причём иногда Рюрику казалось, что Светочке всё равно, кого окольцевать. Просто в их отделе он был единственным подходящим холостяком. Ещё двое на рынке женихов не котировались – один был сильно мятым жизнью алкашом, а второй – алиментщиком, отстёгивавшим от зар-

платы аж трём жёнам и четырём детям. С таким багажом даже Ди Каприо считался бы крайне сомнительной парой.

Следовало признать, что и сама красотка парой была бы сомнительной. То ли от нерегулярной половой жизни, а проще говоря – её полнейшего отсутствия, то ли из-за раннего климакса, а может быть, и вовсе по причине поганого характера Светлана Егоровна периодически закатывала в офисе безобразные скандалы и истерики по самым безобидным причинам. То ей пыль на стол специально насыпали, то окно из вредности закрыли или открыли, то идею украли. Не обогретая кавалерами Церлина впадала в крайности, чем очень пугала спокойного и уравновешенного Рюрика. Женщина-вулкан ему точно была не нужна.

Светочка обхаживала Тарасова целый год. Сначала она просто вежливо дала понять, что не против отношений. Рюрик её молчаливого согласия не понял – не дошло, как это часто бывает. И тогда Светочка начала улыбаться ему чаще, к месту и не к месту. Но и тут до Рюрика не дошло. Близился корпоратив, куда ничего не подозревающий холостяк пошёл в качестве Светочкиного кавалера. Она попросила составить ей компанию. Тарасов наивно согласился. Он же не знал, что истомившаяся без мужской ласки Светлана Егоровна загонит его в зал для переговоров, зажмёт в угол и будет лапать, как гусар красну девицу. Спасла Рюрика лишь самонадеянность коллеги. Когда Светочка решила, что объект уже достаточно облапан и готов к подвигам, она взгромоздилась на

стол и томно проворковала:

– Давай!

И Тарасов дал. Он рванул стремглав, как спугнутый выстрелом заяц, в мгновение ока залетев в рабочий кабинет, выхватив из гардероба пальто и ускакав прочь. Щёки его пылали, сердце колотилось, а едва не поруганная честь плакси-во требовала отмщения. Как после этого появляться на работе, он не представлял.

Зато Света, поставившая себе цель, пёрла к ней, как асфальтовый каток – медленно и неуклонно. Обижаться на мужчину неконструктивно, если планируешь его соблазнить. Это ж сначала обидеться, потом помириться – бессмысленная трата времени. Самое правильное продемонстрировать понимание и лояльность. Самцы любят понимающих и всё-прощающих женщин.

Когда Рюрик, пунцовый от переживаний и нервно озиравшийся, притопал после праздников на работу, Светочка лишь игриво погрозила ему пухлым пальчиком и подмигнула. Судорожно сглотнув, Тарасов решил в ближайшее время избегать одиночных походов по коридорам. Не стоит думать, что он боялся какую-то там толстушку. Даже притом что оба были примерно в одной весовой категории, он легко справился бы с любвеобильной дамой. Другое дело, что опускаться до... до драки? Мужчина, отбивающийся от дамы – довольно жалкое зрелище. Наверное, надо было посоветоваться с Таней, но он отчего-то постеснялся. Всё же это

была слишком интимная проблема. Другое дело, что Ханина как раз беззастенчиво пользовалась его советами в этих вопросах, приговаривая, дескать, а у кого ещё про это всё спрашивать, если не у мужика. Рюрик так не мог. Давать советы – одно, а открываться самому – совсем другое. Для столь смелых консультаций он был слишком замкнутым и стеснительным. Так или иначе, Светочка не успокоилась и продолжала хищно преследовать жертву, всячески намекая, что не обиделась. Она даже умудрилась написать ему на рабочую почту, что понимает его смущение и готова дать ему второй шанс. Получалось, что это Рюрик опростоволосился, опозорился, показав слабость перед дамой, и эта дама теперь великодушно предлагает ему дерзнуть ещё раз. Разъярившись, Тарасов стёр письмо от греха подальше, пока этот всплеск тестостерона не прочитал админ сети, и решил игнорировать Церлинские улыбочки. Светочка приуныла, но ненадолго. Уже через неделю она начала кормить весь отдел, в том числе и неприступного Тарасова, пирожками и печенюшками собственного изготовления. Сдоба была очень даже ничего, но столь примитивным способом сердце Рюрика было не растопить. Он покладисто жрал всё, чем подкармливала его Церлина, но на сближение не шёл. Путь к его сердцу лежал не через желудок. Если б Рюрик знал, что в его пирожки деятельная Светлана Егоровна добавляла добытый у какой-то шарлатанки приворотный порошок, у него, наверное, случилось бы несварение. Но Тарасов пребывал в неведении,

а потому спокойно жевал Светочкины подношения.

С некоторых пор работа, которая раньше казалась ему вполне сносной, начала Рюрика тяготить. Необходимость и неизбежность ежедневного общения со Светочкой основательно вымотала интеллигентного и мягкого Тарасова, вынужденного изыскивать способы, чтобы увернуться от объятий любвеобильной дамы.

Поворочавшись в кровати под едва различимый плач сигнализации, Рюрик окончательно открыл глаза и уставился в потолок. Встать не хотелось.

Соседи снова скандалили. Визгливый женский голос, злобный баритон мужчины и писклявый старушечий речитатив. Началось в колхозе утро!

Ругались супруги ежедневно, утром и вечером, а по выходным ещё и днём. Пороха в огонь добавляла проживавшая с ними чья-то мать – не то свекровь, не то тёща. Как говорится, хочешь развестись, посели в своём доме родителей. На людях это была вполне приличная пара. Кира, миниатюрная шатеночка в круглых очках, с виду тихая и нежная, и Василий, коротко стриженный крепыш, похожий на комсомольца из старых фильмов. И только Рюрик знал, какими витиеватыми конструкциями они обкладывают друг дружку, оставшись наедине. Старушка тоже не отставала, значительно обогащая запас Тарасовского нецензурного лексикона. Некоторые перлы были просто-таки гениальными по

степени экспрессии и выразительности. Увы, слышимость в блочном доме была такой, что соседи всё про всех знали. Тарасов не был исключением. Именно эта пара и сдерживала его от перехода к активным поискам своей половинки. Имея Интернет, можно было найти себе девушку, не выходя из дома, благо сайтов знакомств множество. Но это всё казалось каким-то ненадёжным. Мужчины опасались охотниц за кошельками, женщины – маньяков. И те и другие беззастенчиво ввали, преувеличивая свои достоинства и нивелируя недостатки. Фотографии безбожно фотошопили, а романтические письма плагиатили из Сети. А если учесть, что в итоге можно было заполучить в жёны вот такую с виду тихую и покладистую Киру, то ну его на фиг.

По сайтам знакомств Рюрик всё же ходил. Ходил и ужасался. К сожалению, у Тарасова была одна неразрешимая проблема. Правда, Татьяна считала это везением, но сам Рюрик страшно тяготился столь сомнительным везением.

Он был гениальным интуитом. То есть почти всегда сразу чувствовал, хороший человек или нет, подходит он ему или нет.

– Я просто пессимист, – бормотал Рюрик, когда одноклассница в очередной раз пыталась подсунуть ему на смотрины своего кавалера. – Я вижу в людях плохое. Это не рентген и не интуиция, это мнительность в самом худшем её проявлении. Я, конечно, не мизантроп, но близок к этому. Ты совершенно зря полагаешься на моё субъективное мнение.

Но Таня была уверена, что друг не ошибается. Если он говорил, что кавалер скряга, то так впоследствии и оказывалось. Если высказывал опасение, что новый ухажёр подлец, то так оно в итоге и получалось.

– Просто ты выбираешь не тех, – виновато мямлил Тарасов.

– Нет, Юрочка, это ты видишь их насквозь. Если бы не ты, я б давно в кого-нибудь вляпалась и сейчас бы мучилась, – настаивала Татьяна.

Так или иначе, но в женщинах Рюрику виделись сплошное зло и неприятности. Логика подсказывала, что это элементарный страх перед серьёзным шагом, а знакомство, безусловно, можно было считать архисерьёзным изменением в жизни. Тарасов был чудовищно консервативен, но ничего не мог с собой поделать.

Однажды он уже отважился рискнуть и просчитался. Лет пять назад юная студентка, родители которой наняли его репетитором, смотревшая на мир широко распахнутыми детскими глазами, так трогательно лепетала ему про любовь и первые чувства, что Рюрик поверил. Сперва он, конечно, стойко сопротивлялся собственной физиологии, не желая совмещать работу и личное. Но если очень хочется, то убедить себя можно в чём угодно. Барышня была совершенной, чистой, как ангел, и трогательно доверчивой. Во всяком случае, неопытному репетитору тогда казалось именно так. Потерявший голову Тарасов сдался, решив, что влю-

бился и пришло время обзавестись семьёй. Он даже начал подумывать о покупке колечка для своей феи, но тут случилось невероятное. Без пяти минут невеста пригрозила обвинить его в изнасиловании, если Рюрик не заплатит кругленькую сумму отступных. Вот вам и вся любовь. Дважды на одних и тех же грабли наступают только идиоты. Тарасов себя таким не считал, но женщины в его жизни явно не хватало. Здравый смысл подсказывал, что приличные девушке всё же где-то есть, да вот только фото на сайтах знакомств свидетельствовали об обратном. В глазах незнакомок читалось всё, кроме любви.

Как говорится, пуганая ворона куста боится. Тарасов был той самой вороной, маявшейся оттого, что и хочется, и колется.

Позавтракав в одиночестве, он привычно просмотрел в Интернете новости и поплёлся на работу. У выхода из подъезда, как обычно, раскорячился джип амбала с четвёртого этажа. Этот лысый хмырь принципиально игнорировал стоянку, перекрывая выход из дома и заставляя людей протискиваться мимо его чёрного катафалка. И ведь все молча терпели, никто не осмеливался даже вякнуть. Рюрик тоже считал, что с хамами лучше не связываться. Фингал и сломанная челюсть ещё никого не украшали. А невоспитанный сосед выглядел именно как человек, способный организовать все эти неприятности одновременно.

Тем удивительнее была сцена, свидетелем которой стал

Тарасов.

Какая-то стройная блондинка с короткой стрижкой, крепкими ногами и звонким голосом отчитывала пунцового амбала, заливая бедолагу ядом и сарказмом.

– Нет, разумеется, если у вас инвалидность, или в силу, пardon, слабости вы не в состоянии проползти до родных пенатов эти пятьдесят метров, то давайте организуем для вас отдельную стоянку. Я могу договориться в управе, ещё и съезд специальный оборудуем. Вы сегодня, я смотрю, на своих двоих, без коляски? – донеслось до Рюрика. – А что так? На подвиги потянуло? Берегите себя, не надо рисковать. Машину, опять же, опасно так ставить. Велосипедом поцарапают или самокатом, или вовсе ногтями. Люди тут злые, завистливые, ходят мимо и шипят. Можно подумать, трудно протиснуться по мокрому газону. Подумаешь, кусты и грязно. Нужно быть проще. Правда? Ой, я тут случай вспомнила, в Интернете читала. Одной даме на машину пшена насыпали. Так смешно было, птички прилетели, поклевали, ну и так далее. Машина вся как торт с кунжутом стала – в пупырышках и глазури. Вы, кстати, как к птичкам относитесь?

– Ты мне не угрожай тут, – проревел хозяин машины. – Вон и свидетель есть.

Он выдвинул мощный подбородок в сторону топтавшегося за спиной блондинки Рюрика.

– Если чего с моей тачкой случится, я на тебя заяву напишу. – Амбал буравил оппонентку глубоко посаженными бес-

цветными глазками. – Мужик, ты слышал, что она угрожала?

– Ничего он не слышал, – ухмыльнулась блондинка, повернувшись к Тарасову, у которого от предчувствия драки заныл желудок и подскочило давление.

– Мужик, – рыкнул амбал. – Свидетелем будешь?

Скандалы Рюрик страшно не любил. Он всегда старался избегать конфликтных ситуаций и тихо ненавидел людей, которые пытались его во что-то втянуть. Сейчас был именно тот случай. Но жизнь – такая сложная штука. Она вечно ставит нас перед выбором, не давая отсидеться в тёплом и уютном укрытии. Надо было выбирать. Тарасов при всей своей неконфликтности, безусловно, был за справедливость. А ещё глубоко в душе он был немного мушкетёром, поэтому пришлось нарушить баланс сил и перейти на сторону дамы.

– Ничего я не слышал, – буркнул он и вдруг с вызовом добавил: – Но по сути проблемы согласен. Ваша машина всем надоела. Довожу до вашего сведения, что мы пишем коллективное заявление.

Тут Рюрик бессовестно соврал. Причём непонятно зачем. Никакое заявление никто писать не собирался. Вернее, собирались, но когда выяснилось, что нужно подписываться и даже указывать номер квартиры, энтузиазм соседей как-то сам собой угас.

– Вот, – подхватила идею блондинка. – Уж лучше пятьдесят метров до парковки, чем полдня до штрафстоянки. Правда? С общественностью лучше дружить, нервы будут

целее. Надеюсь, завтра бибика будет стоять на правильном месте.

Мужик что-то пробормотал, запрыгнул в джип и, злобно газанув, уехал.

Наверное, они победили. Тарасов даже немного загордился, всё же он в этой битве тоже чуть-чуть поучаствовал.

Блондинка тем временем молча процокала каблуками в сторону маленькой синей машинки, села за руль и захлопнула дверь.

Тарасов равнодушно пожал плечами. Он не любил таких «хозяек жизни» – уверенных, жёстких и языкастых. Женщина должна быть мягкой, кроткой и ласковой. Женственность – это вовсе не шпильки, декольте и короткая юбка. Женственность – это что-то такое нежное и тёплое внутри самой женщины, то, что делает её слабой. А сильная женщина – это нонсенс. Сильными должны быть мужики, это их прерогатива, выданная природой от рождения. Кто захочет быть рядом с такой бой-бабой? В бизнесе это, может быть, и хорошо, а в жизни – плохо. Даже противоестественно.

– Тоже мне, автоледи, – пробормотал Рюрик, отчего-то застеснявшись. Вот так, девица за рулём, а он на общественном транспорте. Наверное, надо было из принципа начинать водить. Но даже если и начать, то куда машину-то парковать? Все места заняты. Он сам не раз становился свидетелем ежевечерних стычек соседей, бодавших за место на стоянке. К каким только уловкам не прибегали ушлые автовладельцы,

чтобы их железный друг ночевал поближе к дому! Сначала несколько человек сговорились и поставили столбики с цепями. Естественной реакцией на это самоуправство стал сговор другой группы соседей, которые настроили жалобы куда надо, а потом с наслаждением наблюдали за демонтажом этих самостийных оградок. После чего эта же группа борцов за справедливость установила ярко-оранжевые парковочные замки. Надо ли говорить, что тут же собралась ещё одна кучка активистов, демонтировавших эти замки, а на подъездах появились истеричные заявления ЖЭКа о том, что, если ещё кто-то будет столбить места на парковке, оштрафуют всех, а вместо парковки сделают клумбу. Угроза была так себе, без адекватного юридического базиса, но народ обозначать территорию перестал, прибегнув к иным методам. Теперь, уезжая, кто-то оставлял бутылку, кто-то – старое колесо, а некоторые загодя высылали во двор жён, детей, престарелых родственниц, которые покорно болтались под окнами, резервируя места для парковки собственными телами. Иногда между ними вспыхивали яркие и красочные скандалы, лишний раз доказывавшие всем лишённым автомобилей гражданам, что машины – зло.

Рюрик тоже так считал. И почему он повёлся на Танькины уговоры – совершенно непонятно.

Вероятно, в этот день что-то такое витало в воздухе. И в метро народ попался в вагоне довольно склочный, и охран-

ник на работе поздоровался сквозь зубы, и Светлана Егоровна была не в духе. Вернее, сначала-то она была очень даже в духе, со всех ног бросившись к Тарасову с очередной порцией печенья.

– С клубничкой, – затараторила Светочка, когда Тарасов начал опасливо разглядывать тёмную, желеобразную кашку на румяном бисквите. – Ягодки со своей грядки, сама собирала, мыла, без удобрений.

– Да уж, печенье с удобрениями – не комильфо, – гоготнул завалившийся в кабинет Кирюша. – Хотя я как глянул, сразу подумал, что эта хрень сверху как раз из разряда удобрений.

Кирилл был заместителем заведующего складом, а по совместительству чьим-то сыном. Чьим – никто не знал, но тот факт, что юноша целыми днями бездельничал, мотаясь по коридорам и заигрывая с девушками, свидетельствовал в пользу наличия мохнатой лапы. Зачем завскладом такой заместитель – никто не знал. Кирюша был простоват, глуповат и пошловат. Кроме прекрасного пола, его на работе вообще мало что интересовало. Ну разве что ещё компьютерные игры. Вёл парень себя развязно, шутил глупо, а болтал много. Рюрик про себя называл его балаболкой. Но вслух, конечно, ничего такого не говорил. Какое ему дело до какого-то там Кирюши.

Светочке шутка «балаболки» не понравилась. И немудрено. Его шутки вообще мало кому нравились. Но народ с нормальной нервной системой на глупости реагировал сдержан-

но, а вот Светлана Егоровна так не умела.

Заводилась она сразу, моментально, как дорогая машина с хорошим двигателем, за доли секунды переходя на рёв.

– Сам ты удобрение, – завизжала Светочка, метнув в Кириллу печенюшкой. Её меткости позавидовал бы любой ворошиловский стрелок. Выпечка попала аккурат Кирюше в лоб, причём тесто тут же рассыпалось, а клубничка приклеилась к чёлке, неэстетично зависнув над переносицей. – Гад! Подлец! Мерзавец!

Светлана Егоровна топала ногами, отчего по полу шла лёгкая дрожь. Заглянувшая в кабинет девочка из соседнего отдела сочувственно закатила глаза и, ухмыльнувшись, ретировалась. Испуганный Кирюша начал бочком пробираться к дверям, недоумевая, почему только ему одному так страшно. Народ, привыкший к Церлинским закидонам, продолжал работать, изредка с любопытством и некоторой опаской косясь на Светлану Егоровну. Мадам в гневе легко могла перекинуться на любого, кто подвернётся. Бывалые бдительно старались не подворачиваться, совершая как можно меньше движений и издавая по возможности минимум звуков.

Бледный Кирилл добрался наконец до спасительного выхода и позорно бежал с поля боя.

Светочка, всхрипнув, как бешеный гиббон, резко повернулась к Рюрику. Вообще-то на него она ещё никогда не орала. Наверное, от нападений Тарасова спасали матримониальные планы коллеги, она всё ещё на что-то надеялась. Но рис-

ковать не стоило, поэтому Рюрик торопливо сунул угощение в рот, демонстративно закатил глаза и прощамкал:

– Светочка, это божественно. Вы потрясающе готовите.

Печенье и прочая сдоба у Светланы Егоровны в самом деле были чудесными, так что тут он даже душой не покривил.

Настроение Церлиной менялось молниеносно – подобно погоде в тропиках. Только что она орала на ультразвуке, и вот уже – вуаля, улыбается и щебечет:

– Да? Правда вкусно? Я старалась. Вы такой милый, такой душка.

Рюрик согласно закивал, дескать, да – я милый и душка. Не говорить же ей в ответ, что она тоже, кхм, милая.

Комплименты в адрес Светланы Егоровны были чреваты последствиями.

Стоило Тарасову из чувства самосохранения похвалить любвеобильную даму, как она тут же снова пошла на абордаж, многозначительно улыбаясь, подмигивая и норовя задеть бедром.

С работы он буквально сбежал, улучив момент, когда коллега отлучилась припудрить носик перед окончанием трудовой вахты.

– Я сегодня пораньше, мне надо, – пробормотал Тарасов понимающе ухмыляющимся сотрудникам. Наверное, уже вся фирма следила за их отношениями. Рюрик не удивился бы, если б узнал, что народ делает ставки на исход противостояния. До чужой личной жизни всем есть дело. И тем, у ко-

го её вовсе нет, чтобы хоть чем-то заполнить эмоциональную пустоту. И тем, у кого она есть, потому что на фоне чужих глупостей собственные неудачи кажутся более терпимыми.

Домой не хотелось. Когда изо дня в день возвращаешься в пустую квартиру, где тебя никто не ждёт, прогулки по городу начинают казаться привлекательными. Иногда Рюрик думал, что и бабульки постоянно колготятся во дворе, потому что дома тоскливо. Это может понять лишь тот, кто долго стремился к покою и одиночеству, а потом в одночасье понял, что одиночество – это совсем не так здорово, как представлялось в начале.

Он с детства, сколько себя помнил, жил с мамой. Мама знала всё: с кем он дружит, с кем разговаривает по телефону, какие у него завтра уроки и что поставили за домашнюю по химии. Скрыть что-либо от Валентины Петровны было делом неосуществимым, да Тарасов и не пытался. В её жизни не было ничего более важного и ценного, чем единственный сын. Поэтому мама жила «Рюшечкиными» делами и проблемами. Любая, даже самая любящая мама при таком раскладе может сильно надоесть. То есть любить её Рюрик, конечно, не перестал, но жить желал отдельно.

Валентина Петровна была навязчива и утомительна, как страхового агента. Тарасов не мог выпить с друзьями пива, привести домой девушку, даже высморкаться в ванной спокойно он тоже не мог. Маман немедленно материализовыва-

лась перед дверью и тревожно шептала в щель:

– Зая, ты что, простыл? Хочешь, я куплю капельки от насморка? Они не горькие!

До самого мая он вынужден был выходить из дома в шарфе и шапке, чтобы мама не беспокоилась. Встречаться с женщинами можно было только в её присутствии, так как только Валентина Петровна могла сказать точно, не будет ли от девочки неприятностей. Не встречаться с женщинами тоже было нельзя, потому что маму начинала беспокоить его потенция. Она тревожилась и подсовывала ему под нос статьи о вреде нерегулярной половой жизни. Усилием воли и ценой тягостных скандалов со слезами и упрёками ему всё же удалось убедить Валентину Петровну жить отдельно. Но при одном условии – мама желала поселиться в шаговой доступности от дачки. Решено было, что она будет приходить, чтобы стирать, готовить и убирать. На семейном совете постановили, что Рюрик останется в двухкомнатной, а мама уедет в однушку.

– Не спорь, – отрезала маман. – У тебя будет семья, дети, тебе нужна большая площадь. Я дарю тебе эту двушку и надеюсь, что ты это оценишь.

Рюрик оценил. На радостях он даже не стал напоминать мамёнке, что это не совсем подарок, так как однушку для мамы он брал в кредит, который надо было ещё как-то выплатить.

Десять лет Тарасов пахал как раб на галерах. Он хватался

за любую работу, дополнительные проекты, репетиторство и даже рефераты и дипломы для студентов. Кредит был выплачен, самостоятельность обеспечена и закреплена материально и на бумаге, а счастье так и не наступило. То есть Рюрик, безусловно, радовался, что живёт хотя бы не с мамой. Но для внутренней гармонии этого было недостаточно.

Квартира перестала казаться уютной. Даже притом что Тарасов был ярко выраженным домоседом. Пустота ощущалась физически и морально. Наверное, пора было всё же легализоваться на сайте знакомств и попытаться найти тихую, домашнюю девушку, которая хотя бы минимально подойдёт под его требования. Помимо отсутствия склочного характера, дама должна была быть ещё и остроумной. Иначе сосуществовать с ней под одной крышей будет затруднительно. Просто скучная и правильная девица была Рюрику не нужна.

По дороге с работы Тарасов даже начал придумывать текст объявления для анкеты. Чтобы не заполучить в итоге какую-нибудь скучную клушу, он твёрдо решил составить анкету с юмором, чтобы и девушки писали соответствующие. Но дальше первой фразы «Благородный идалъго, уставший от ратных подвигов, ищет свою Дульсинею» у него дело не двинулось. Начало было спорным. С одной стороны, девицы, не знающие значения слова «идальго», должны были сразу сминусоваться. Хотя на свете существовали поисковики, дававшие ответы и на более сложные вопросы. С другой – соискательницы могли неправильно понять пассаж про

ратные подвиги. Ещё решат, что он отставной дуболом-прапорщик, уволенный в запас. Но это же фигура речи, девушка с юмором должна понять. Или не должна? Они всё же не поржать на эти сайты заходят, а найти мужа. А тут он со своими шутками и неоднозначными посылками. Может быть, не выпендриваться и написать просто и честно, раскрыв все карты. Вроде женщины любят честных и открытых парней. Хотя загадочных и интригующих они любят ещё больше. Так, во всяком случае, утверждала Татьяна. Её последний кавалер, простой, как кирпич, получил отставку именно по причине своей незатейливости. Он всегда говорил, что думает, не заморачиваясь на такт и дипломатию. Сначала это было мило, а потом надоело.

Занятый этими мыслями Тарасов не заметил, как добрался до дома. То, что он уже почти пришёл, Рюрик осознал, нажимая на кнопку лифта. Помимо привычной сумрачной тишины в подъезде было что-то ещё. Какой-то звук. Нет, не звук, а писк. С подвизгиванием. Жалобный и странный. Эти звуки точно издавал не ребёнок.

Рюрик огляделся. Как всегда, то ли из экономии, то ли ещё по каким-то соображениям, горела всего одна лампочка. Не лестница, а мечта маньяка. Но звук не излучал опасность, он был каким-то безысходно пронзительно жалостливым.

– Ну, надо же, – охнул Тарасов, нагнувшись над притулившейся в тёмном углу коробкой, из которой на него смотрели два круглых глаза. – Щенка выбросили.

В том, что именно выбросили, у него не оставалось сомнений. Коробка была выстелена грязной тряпкой, а в уголке белела ёмкость из-под йогурта, наполненная водой. Рюрик и сам, когда выбрасывал что-то ненужное, аккуратно упаковывал вещь в полиэтилен в надежде, что хотя бы бомжам подойдёт. Да что там бомжам. Он однажды вынес к помойке старые сандалии. Вернее, они были не такими уж старыми, просто валялись на антресолях, занимая место. Такую обувь Тарасов не любил и не признавал, предпочитая ботинки или летние туфли. В самом деле, скажите на милость, как вменяемый человек может в городе носить сандалии? С носками их обувать неприлично, об этом Рюрик узнал из Интернета, дескать, фи и моветон. А шлёпать на босу ногу, когда в разные стороны торчат кривые волосатые пальцы – и вообще мрак. Это женщинам хорошо – ножки аккуратные, эпиляция, педикюр. Им можно. А ему, обычному мужику в возрасте «слегка за тридцать», как это обувать? Педикюр делать? Увольте. Спрятал свои конечности в носки, сунул лапу в ботинок и вперёд. Никаких комплексов. Так вот, в выброшенных Тарасовым сандалиях уже на следующий день щеголял один из соседей. Вполне приличного вида мужчина. И Рюрик этому факту чрезвычайно обрадовался, прожив весь день с ощущением сотворённого своими руками доброго дела.

Но то ненужная обувь, а тут живое существо.

Тарасов сел на корточки, поддёрнув на коленях брюки,

и устался на малыша. Щенок, толстобокий и неуклюжий, проковылял на кривых лапах к краю и, отчаянно метеля хвостом, начал карабкаться по стенке коробки навстречу Тарасовской физиономии. Он даже тональность визга сменил на радостную. Дотянуться до Рюрика ему не удалось, лапки подогнулись, и пушистый колобок плюхнулся на спину, продемонстрировав нежное розовое пузо. Второй заход на стенку коробки закончился умопомрачительным кульбитом, в результате которого щенок разлил оставленную ему воду и снова порадовал визитёра демонстрацией розового младенческого пуза.

Тарасов прыснул и мотнул головой.

Нельзя сказать, что он не любил животных. Нет, ну есть они и пусть себе живут. Даже в детстве Рюрик никогда не мечтал ни о собаке, ни о хомяке, ни о кошке. Животное – это ответственность. Так говорила мама. Ещё от них бывает аллергия, они болеют, их некому оставить в случае отъезда или болезни. В общем – сплошная лишняя суета. Рюрик мог потрепать по холке чужую собаку, приласкать соседского кота, изредка забредавшего на его балкон, но не более того. Вот и сейчас он лишь разглядывал найдёныша, не пытаясь погладить. Мало ли, а вдруг у него лишай или блохи. Надо, чтобы кто-нибудь его взял себе. А то ведь замёрзнет тут. Или с голоду помрёт. Или мальчишки обидят.

– Что вы там делаете? – каркнула сзади Мальвина Георгиевна, полуглухая пенсионерка с жиденькой кичкой на ма-

кушке. Полуглухая, поскольку слышала она лишь то, что желала слышать. На всё, что ей не нравилось, бабка реагировала дурашливым «ась?».

Впервые в жизни Рюрик был искренне рад Мальвине. Пенсионерка регулярно подкармливала окрестных кошек, выкладывая для них на пенопластовых подложках какие-то ошметки и объедки прямо под окнами первых этажей. Соседи Мальвину за эти добрые дела люто ненавидели, так как кошки сбегались в невероятном количестве, орали по ночам и писали на газон, из-за чего перед окнами первых этажей постоянно витал мерзопакостный кошачий дух, а сам газон был усеян мусором, который четвероногие не съели. Бабка искренне недоумевала и сокрушалась по поводу жестокосердия некоторых моральных уродов. Ей-то было хорошо, у неё окна выходили на другую сторону, и жила она на девятом этаже, так что ни концерты, ни вонь до неё не долетали.

Именно такая женщина могла приютить очаровательного щенка.

– Вы поглядите. – Тарасов резко выпрямился, слегка напугав старушку. Она отшатнулась и подозрительно уставилась на неожиданно разговорчивого соседа. – Такого кроху бросили!

Мальвина Георгиевна вытянула сухую жилистую шею и боком, словно курица, заглянула в коробку. Её сморщенное личико неожиданно съехалось в брезгливую гармошку, и бабуля прошипела:

– Фу, собака!

– Щенок, – одурело поправил её Тарасов, всё ещё надеявшийся, что добрая женщина снимет с его совести этот тяжкий груз и возьмёт бедолагу к себе.

– Безобразие. Нет бы утопили, раз не нужен, – пожевала губами любительница кошек. – Совести у людей нет.

С этими словами она зашла в приехавший лифт и бросила Рюрику:

– Ну, вы едете?

– Нет, я потом, – обескураженно пробормотал тот.

Совість металась, как бешеный таракан по банке. Оставить щенка в подъезде он никак не мог. Это было как-то... ммм... низко и подло. Но и взять не мог. Как это, помилуйте, взять неведомую собаку в дом? Опять же: бешенство, лишай, блохи. И вообще, это даже хуже ребёнка. Ну, или не хуже, но по количеству проблем примерно то же самое. Однако к ребёнку прилагается мамаша, которая всю возню берёт на себя. К этому толстопузому ничего не прилагалось, кроме старой коробки. И матерью пришлось бы стать Тарасову.

– Чёрт знает что, – проворчал он, отчаянно жалея, что не погулял по городу дольше. Глядишь, кто-нибудь добрый успел бы подобрать щенка до него.

Подъездная дверь снова хлопнула, и до Тарасова донёсся нежный запах духов. Вот! Женщина! Они любят всякие мимими и сюсипуси.

Он обернулся и увидел ту самую блондинку, которая

утром наскакивала на амбала. К слову сказать, вечером чёрный джип покорно стоял на парковке. Всё же настырная мадам победила. А такие всегда побеждают, ломая мужиков через колено. Железная леди, танк на шпильках. Что-то сомнительно, что эта склонна ко всяким там сюсюсю и мими.

– Что у вас там? – строго спросила соседка. Когда вопросы задаются таким тоном, на них сложно не отвечать. Так разговаривает завуч с провинившимся учеником или начальник с увольняемым подчинённым.

– Не у меня, – из вредности возразил Рюрик. Пусть эта фи-фа у себя на работе командует, а с ним так разговаривать не надо. Он тоже ого-го... В общем, нечего тут допросы устраивать. – Кто-то щенка бросил.

– Щенка? – блондинка с интересом посмотрела в коробку. – Прелесть какая.

Одобрительно так сказала, словно в коробке возился не очаровательный комок с розовым языком и ясными глазами-пуговицами, а какой-нибудь «товарищ Новосельцев», сдавший статистику и слегка порадовавший начальство. Безо всякого умиления, констатировала факт. Тем удивительнее было, когда эта холёная фря легко нагнулась и выудила щенка, бережно взяв обеими руками.

– Ишь, откормленный. И чистенький, блох даже нет вроде бы, – девица прижала находку к груди, ласково почесав за ухом.

«А всё-таки она ничего, добрая!» – только и успел с благодарностью и облегчением подумать Тарасов, понадеявшись, что проблема сама собой разрешилась.

Как бы не так.

– Поздравляю, – блондинка сунула щенка Тарасову и отряхнула ладошки.

– С чем? – Рюрик машинально взял тёплый комочек, отчётливо ощутив, как в ладонь бьётся маленькое сердечко.

– У вас теперь есть собака.

– Почему у меня? – простонал Тарасов. – Давайте вы его возьмёте!

– Чего это? Вы же нашли, вам и брать. Это судьба, – отрезала блондинка. – Тем более, вон он к вам как тянется.

Никуда щенок не тянулся. Наоборот, он пригрелся в тёплых Рюриковских руках и, похоже, засыпал. Взгляд у найдёныша был совершенно осовелый.

– Я не могу, – предпринял последнюю попытку Тарасов. – Возьмите его себе.

– Я тоже не могу. Что вы торгуетесь? – блондинка строго сдвинула брови и осуждающе смерила соседа взглядом. – Не бросать же собаку здесь. Вы же не думаете, что можно вот так живое существо оставить в тёмном подъезде, где на него могут банально наступить. Не разочаровывайте меня. Берите!

– Можно подумать, я успел вас очаровать, – огрызнулся Рюрик. – У меня никогда не было животных. Я не представ-

ляю, что с ним делать!

– Интернет вам в помощь, – воодушевлённо напутствовала его соседка, великодушно добавив: – Рада, что вы оказались неплохим человеком.

Быть неплохим человеком крайне сложно, если это влечёт за собой серьёзные проблемы. «Неплохой человек» даёт деньги в долг, соглашается стать поручителем по кредиту, берёт на передержку чужого невменяемого кота, пускает пожить родственников из Житомира и совершает массу прочих дурацких подвигов, единственной наградой за которые служит вот эта расплывчатая похвала. Более того, за похвалой далеко не всегда следуют благодарность и мифические бонусы в виде добра, которое возвращается. Друзья перестают быть друзьями и долги не отдают. Кредитор сваливает всё на бедолагу-поручителя, перестав отвечать на звонки и спешно внеся наивного героя в «чёрный список». Кот, позиционированный как милейшее существо, немое, вечно спящее и не доставляющее неудобств, гадит где ни попадя, точит когти о мебель и умудряется располосовать дорожные итальянские шторы на ленточки, мастерски проехавшись по ним сверху вниз. Ещё он может ронять на пол цветочные горшки, срывать карнизы и орать по ночам так душераздирающе, что бдительные соседи немедленно вызывают полицию. Про родню и говорить нечего. Приехав на «пару дней», благодушные родственники приживаются, расплозаются по квартире, пожирая хозяйские припасы, требуют культурную

программу, а потом и вовсе желают остаться насовсем, найти со временем работу и, если получится, снять жильё, чтобы не стеснять хозяев, которые до поры до времени считаются «неплохими людьми».

В общем, слыть «неплохим человеком» можно только себе в убыток.

Решительная блондинка уже укатила к себе на этаж, а ошарашенный Рюрик продолжал обниматься с притихшим щенком.

Это ж надо так попасть! Щенок – это кошмар, это стихийное бедствие. Особенно для человека, не готового к такому повороту событий.

«Стихийное бедствие» сонно повозилось в Тарасовских руках и прикусило ему палец беззубым ртом. Шёлковая щёрстка мягко щекотала ладони. Похоже, придётся брать это чудо природы домой. Говорят, человек привыкает ко всему. Даже к тому, к чему, казалось бы, привыкнуть совершенно невозможно.

Абсолютно некстати Рюрику вспомнился один из его институтских приятелей. Вадик – мачо, плейбой и совершенно безбашенный тип. Он коллекционировал девушек, точно филателист марки. Парень жил легко, порхая как стрекоза и наслаждаясь жизнью. Пока одна гарна дивчина, деловито осмотрев его холостяцкую берлогу, не устроила Вадику неожиданный сюрприз в виде беременности. Выхода она ка-

валеру не оставила, потребовав жениться. Дивчина была достаточно красива и фигуриста, поэтому Вадик даже и не сопротивлялся особо, легко заметив, что «не одна, так другая». Свадьба была весёлая, рождение первенца отмечали аж два дня. Потом Вадик как-то поскуучнел, загрустил, а через некоторое время и вовсе взял академку. Примерно через полгода Рюрик заехал к бывшему однокласснику, тот хотел сдать через Тарасова учебники в библиотеку. О боги, что сотворило с этим плейбоем отцовство! Дети, конечно, счастье, цветы жизни и бла-бла-бла, но к столь важному событию следует готовиться не только материально, но и морально. Нужно сразу понимать, что жизнь уже никогда не будет прежней, придётся в чём-то ужиматься, про что-то и вовсе забыть. И никогда вы уже не будете принадлежать себе.

Двери Рюрику открыл измождённый тип в майке и шортах. В квартире пахло щами, на заднем плане радовала глаз верёвочная растяжка из пёстрых пелёнок. В комнате вопил младенец, заунывно бубнил телевизор, жена в бигуди и халате яростно намывала пол. Она была уже не так свежа и хороша, а некогда улыбочивое лицо и вовсе превратилось в раздражённо-остервенелую маску. Естественно, попробуй полгода не поспи, вскакивая по несколько раз за ночь с сиськой наперевес.

– Извини, не приглашаю, тёща скоро должна приехать, – промямлил Вадик, печально вздохнув. – Рад тебя видеть.
– Ну как ты? – сглотнув колючий ком, выдавил Тарасов.

Вадик взглянул на него и, пожав плечами, деревянным голосом отрапортовал:

– Потом, когда малой подрастёт, станет легче.

Надо полагать, в данный момент легко не было, и измученный Вадим ждал улучшений в перспективе.

– Выйдем покурить, – прошептал он и виновато оглянулся на супругу.

– Чтобы дымом в квартиру не тянуло, – сурово отрубилата и утопала к младенцу.

– Понимаешь, – сбивчиво затараторил Вадим. – Я ж не ожидал, что это так. Я думал, дети – это когда баба с коляской гуляет во дворе и занимается твоим отпрыском, а ты гордо всем говоришь, что стал отцом. Ну а во всём остальном жизнь идёт своим чередом. Ни фига подобного. Выспаться невозможно, он всё время кричит. Причём по разным поводам: то голодный, то потничка на шее, то прыщи на попе, то сопли, то зубы, то просто какая-то неведомая хрень. И вот он заходится, а ты не понимаешь, что случилось, и начинаешь психовать. И баба твоя психует. И вы орёте друг на друга, а этот орёт ещё громче. И тебя уже бесит и жена, которая не умеет с младенцем правильно обращаться, чтобы он затыкался, как у всех. И сам младенец, потому что ни футбол не посмотреть, ни хоккей, ни с друзьями посидеть. Даже из дома не уйти, потому что сразу слёзы – ты уходишь, меня бросаешь, бежишь от проблем, а я всё время в четырёх стенах. И не дай бог брякнуть, что вовсе не в четырёх, что, мол,

она и погулять выходит, и в поликлинику. Я один раз Галку на девичник отпустил, чтобы сходила, развеялась. Так, во-первых, я тут с этим ребёнком чуть не рехнулся, я его боюсь, честное слово! А во-вторых, она припёрлась с новыми тезисами, видать, девки её научили. И то ей не так, и это не эдак. Почуяла воздух свободы. Короче, жизни нет, секса нет, деньги уходят на памперсы и каких-то врачниц, которые на ходу придумывают дитю диагнозы. То витамины, то массаж, то узи. Обнять и плакать, Тарасов! Но потом, говорят, будет легче. Подрастёт пацан, с ним хоть договариваться можно будет. Чтобы не орал и спать давал. В общем, всё хорошо, но мой тебе совет – женись попозже и с детьми повремени. Это надо дозреть и очень захотеть, чтобы тебе вот так нервы мотали и здоровье твоё расходовали.

При этом в глазах Вадика блестели слёзы. Разговор тот Рюрик запомнил надолго. Поэтому на щенка смотрел с ужасом, ожидая от него самого худшего. Ведь что щенок, что ребёнок – никакой разницы. Жизнь запросто может превратиться в бесконечный бессонный кошмар и зависимость от постороннего существа.

Рюрик с питомцем вошёл в квартиру. Сразу выяснилось, что молока в доме нет. Собачьего корма, разумеется, тоже не было. Рюрик бестолково помотался по жилплощади, судорожно соображая, куда пристроить найдёныша. На кровать – упадёт, на пол – холодно. Идеальным решением Тарасову

показалась подушка, вышитая одной из соискательниц его руки и сердца. Маменька периодически подгоняла Рюрику дочерей каких-то своих приятельниц. Как правило, дочери либо были неустроенными старыми девами не в его вкусе, либо вполне симпатичными, но пришедшими на «смотрины» исключительно из-за настойчивости родительниц. Ничего дельного из таких посиделок не получалось, но Валентина Петровна упрямо продолжала водить «проверенных девочек» на эти бестолковые «спаривания». Некоторые девицы по неизвестной причине считали, что ходить в гости с пустыми руками неприлично, поэтому волокли всякий хлам, лишь бы отметиться с подарком. После таких визитов у Тарасова уже образовалась небольшая гора ненужных вещей – колючий мохнатый свитер огромного размера, хрустальная сова, букет павлиньих перьев, деревянная резная шкатулка, бутылка с песком из Египта, страшная картина неизвестного художника с кривоногим уродцем и косыми домами, а также плоская подушка с затейливой вышивкой. Наконец-то хоть что-то пригодилось.

Тарасов аккуратно пристроил щенка на подушку, потом подумал и накрыл выдернутой из шкафа наволочкой. Можно было и свитером, но он показался свежеиспечённому собачнику слишком грубым и колючим.

Теперь предстояло разобраться с дальнейшими действиями. Слава Интернету, там можно было найти любую информацию. Сразу же выяснилось, что у нормальных людей для

щенка предполагался манеж, миска, специальный корм, игрушки и целый список всякой всячины.

– Ужас какой, – искренне опечалился Тарасов. По всему выходило, что вместо ужина ему придётся сейчас бегать по магазинам и обзаводиться странными вещами. Более того, начать следовало с определения пола и возраста щенка. Возраст дерева определялся по годовым кольцам, возраст человека – по документам, а вот как определить возраст щенка – загадка. С полом тоже возникли затруднения. Подробных инструкций в Сети не имелось, зато в изобилии имелись фото с попытками определить пол котят, хомячков, черепах и даже попугайчиков. Тарасов с сомнением посмотрел на своего нового друга. Тот сладко спал, свернувшись трогательным калачиком. Будить его не хотелось – вдруг опять начнёт скулить и тявкать. Уж лучше пусть пока дрыхнет бесполой.

А возраст? От этого, оказывается, зависело, чем его кормить и сколько еды давать. Как всё сложно... С детьми наверняка было бы проще. Обчитавшись статьями про собак, Рюрик устало вздохнул и решил исходить из того, что толстопузый найдёныш уже может ходить и открывать глаза, но зубов у него ещё нет. Во всяком случае, когда это чудо жевало Тарасовский палец, было смешно, щекотно и ничего похожего на клыки не ощущалось. Таким образом получалось, что красавцу больше трёх недель, но меньше месяца. Подлый Интернет любезно оповестил опешившего собаководладельца, что питомца следует кормить мало того что по

часам, так ещё и шесть раз в день! Шесть! И это ещё цветочки. Ягодки были в том, что щенка следовало угощать кашами и овощами.

– Вот так! – обратился к самому себе Рюрик. – Поздравляю вас, Рюрик Михайлович! Бинго! Берите декретный отпуск и занимайтесь этим подарком судьбы.

Блондинка явно знала, от чего отказывалась. Почему-то именно острую на язык девицу Тарасов решил обвинить во всех своих несчастьях. Она-то небось сидит себе, котлеты жуёт и сериал какой-нибудь смотрит. А может быть, и не сериал вовсе, а РБК с последними новостями бирж. Кто их знает, этих бизнес-вумен, чем они заняты долгими летними вечерами. Хотя с чего он взял, что эта мымра одна? Наверняка кавалер какой-нибудь есть, или вообще – муж. А у него теперь вместо романтики и намеченных знакомств со свободными барышнями голодное животное.

Наверное, надо было привлекать маму. Не самому же тушить овощи и варить каши. Тарасов предпочитал бутерброды, а это беззубое чучело на бутерброды вряд ли согласится.

Совершенно некстати вспомнился анекдот про мужика, купившего на рынке хомячка. Заканчивалась история тем, что через год хомячок вымахал в медведя.

– Надеюсь, ты не какой-нибудь мастифф и не алабай, – опасливо проворчал Рюрик, покосившись на трогательно сопевший комочек.

Порода зверя пока что не подлежала идентификации. Но

логика подсказывала, что будет дворняга. Породистую собаку скорее всего продали бы, а не подкинули в подъезд.

Составив внушительный список необходимого и повывёркивав из него половину глупостей, Рюрик тихо вышел из дома, бесшумно закрыв дверь. Мысль о том, что ему теперь надо о ком-то заботиться, почему-то вдруг преисполнила Рюрика гордости. Он чувствовал себя ребёнком, которого впервые отправили в булочную одного.

Возвращался он уже почти бегом, переживая, как там малыш без него.

Малыш без него пропал. Причём в прямом смысле слова. Мокрая подушка лежала на месте, наволочка валялась рядом, а щенок исчез. Вместо ожидаемого чувства облегчения Тарасова захлестнула волна ужаса. Словно любителя змей, у которого из аквариума внезапно исчезла ядовитая кобра. Но если змеевладельца пугала перспектива встретиться с питомицей на просторах жилплощади, то Рюрик оцепенел от осознания, что может случайно наступить на щенка или прищемить его дверью. Или нанести ещё какой-нибудь непоправимый вред и потом жить с чувством неизгладимой вины.

– Эй, мелкий, – дрожащим голосом воззвал он в тишину квартиры. – Ты где?

И тут же нервно хихикнул, представив, как щенок сейчас пробасит откуда-нибудь: «Да здесь я, здесь». Далек этот кривоногий малыш укувылять не мог, поэтому поиски Тарасов начал с комнаты, в которой оставил найдёныша перед

уходом. Ни под креслом, ни под диваном, ни под компьютерным столом щенка не было. Рюрик ходил осторожно, ежесекундно глядя себе под ноги, словно потерял не упитанную собачонку, а блоху, на которую в любой момент мог наступить.

Пропажа нашлась в шкафу-купе, который Тарасов постоянно ленился закрывать до конца. Мама ему всегда за это выговаривала. Щель, по её мнению, выглядела неэстетично, особенно учитывая неаккуратно сложенные вещи, представавшие на всеобщее обозрение. Разумеется, Валентина Петровна в каждый свой визит всё педантично складывала, речитативом приговаривая «Маечки к маечкам, трусики к трусикам, носочки к носочкам, чтобы на каждой полке всё лежало аккуратно и ровно». Всё так и лежало до момента, пока Рюрик не брал очередную тряпку, машинально вытягивая её снизу, в результате чего вся стопка разваливалась. Он тут же пугливо подравнивал её, как кучу песка – справа и слева. Но двери так и не закрывал, вечно оставляя зазор сантиметров в пятнадцать.

Вероятно, теперь он начнёт закрывать. Щенок провёл воспитательный процесс гораздо лучше Валентины Петровны. Она лишь стыдила сына жалобным голосом, а толстопуз свил гнездо из спортивной одежды, лежавшей на дне шкафа, после чего в этом гнезде благополучно описался.

– Теперь всё придётся запирать и прятать, – раздражённо констатировал Рюрик, выживая сонный, тёплый комок из

намоченного «адидаса». – Вот ты паразит мелкий.

Тарасов сурово сдвинул брови, сунувшись хулигану прямо в мордочку:

– Ты слышишь меня, ужасное создание? Твоё место на подушке! Не смей никуда залезать! И ещё: приличные собаки делают свои дела на улице, а не в шкафу!

Воспитательная речь не удалась. Внимательно тарачившийся щенок неожиданно начал самозабвенно облизывать Тарасовский нос. Это было так щекотно и смешно, что Рюрик расхохотался, упав вместе с новым другом на диван.

– Ладно, зато теперь мама будет рада. Я буду закрывать шкаф, – проворчал он, вдоволь насмеявшись. – Пойдём, я купил тебе посуду и какую-то собачью дрянь в банке. Да, и молока купил. Тебе должно понравиться.

Щенку понравилось. Он уделал в кухне пол, разлив молоко и провезя тарелку по диагонали через весь пищеблок. Наверное, следовало купить держатель для миски, как писали в Интернете. Найдёныш ел с таким азартом и напором, что миска в процессе еды двигалась по затеяливой траектории, оставляя за собой тропинку из крошек и пятен.

Воду щенок тоже разлил.

– Ты мне надоел, – пожаловался Рюрик. – Сколько можно пачкать?

Щенок умильно взглянул на него и к прочему беспорядку добавил трогательную лужу.

– Ужас, – резюмировал Тарасов, остро пожалев, что не ку-

пил щенку манеж, как советовал опытный продавец. К слову сказать, продавец насоветовал столько, что если б Рюрик его послушал, то унёс бы с собой половину ассортимента этого зоомагазина.

Пришлось лезть на антресоли за какой-нибудь коробкой. Наверное, можно было бы забрать коробку из подъезда, но Тарасов побрезговал.

Удивительно, сколько мусора люди хранят дома в надежде, что этот хлам однажды пригодится. Самое смешное, что стоит только выбросить какую-нибудь совершенно дикую и точно ненужную вещь, как по закону подлости как раз она-то и понадобится.

Рюрик с изумлением выгружал из громадной коробки из-под старого телевизора стопки открыток, неработающую камеру, аляповатый светильник с треснувшим абажуром, древний коврик, свёрнутый в трубочку, совершенно новые валенки с галошами, утюг времён Хрущёва, замотанное в тряпки зеркало, пустую фигурную бутылку из-под коньяка, пятнистый мутоновый полушубок, три велосипедных насоса и спинку от железных детских санок. Коробку эту мама категорически запрещала выбрасывать, обещая непременно как-нибудь разобраться, что там лежит. Тарасов к старым вещам относился без должного пиетета. Он бы запросто это всё отнёс на помойку, но мама могла обидеться. Или даже рассердиться. Поэтому, кряхтя и чертыхаясь, он начал запихивать содержимое коробки обратно на антресоли. То, что по прин-

ципу тетриса можно утрамбовать в какую-то тару, довольно сложно так же компактно просто поместить в шкаф. Сначала Тарасову в физиономию прилетели открытки, у которых лопнула древняя бечёвка, связывавшая их в аккуратную стопку. Потом прямо в лоб съехал коврик, в довершение на макушку спланировал полушубок, накрыв Рюрика душной нафталиновой вонью. Оставалось только надеяться, что уют или бутылка не добьют его окончательно.

Коробка щенку не понравилась. Едва Тарасов запустил в неё животное, собачонок начал душераздирающе тявкать и визжать.

– Господитыбожемой, – простонал начинающий собаковод, тоскливо взглянув на часы.

Одиннадцать ночи, спать пора, а он тут занимается неизвестно чем. И ведь собирался заняться личной жизнью, найти девушку. Вот так – человек предполагает, а Бог располагает. Вместо девушки у него теперь собака. И хорошо, если эта собака не девушка. В том смысле, что предпочтительнее кобель, нежели наоборот. А то потом вырастет, нарожает щенков, и тогда Рюрик окончательно свихнётся от безысходности. Тут же мелькнула мысль, что если он когда-нибудь женится, то хорошо бы, чтобы у него родился мальчик, а не девочка.

– Какая муть лезет в голову, с ума сойти, – пробормотал он и в очередной раз выудил щенка из коробки. – Не ори. Сейчас я тебе сделаю уютное гнёздышко.

Тут весьма кстати вспомнился мутоновый полушубок. Пусть мелкий думает, что спит с мамой – мех и тепло опять же.

Тарасов снова полез на антресоли. Едва он открыл дверцу, как на голову вывалился валенок. Хорошо, что не галошей, а голенищем. И не в глаз, а в скулу.

– Я становлюсь оптимистом, – ухмыльнулся Рюрик, выдернув полушубок, лежавший в середине кучи. Было бы странно, если б мутон ушёл с насиженного места один, не прихватив с собой кого-нибудь для компании. Хорошо, что не утюг, а светильник. Тарасов, словно мастер спорта по ловле предметов домашнего обихода, умудрился поймать его за абажур локтевым сгибом. В противном случае ему полночи пришлось бы убирать из коридора осколки.

– Ты очень осложнил мне жизнь, – крикнул он щенку. – Зато это первый вечер за долгое время, который я провёл нескучно.

Ночь обогатила Тарасовский жизненный опыт новыми познаниями. Во-первых, щенки часто писаются и не любят спать на мокром. Во-вторых, если щенок скулит, то даже беруши заснуть не помогут. Жалобный, почти детский плач достигает мозга на уровне подсознания, заставляя суетиться и искать решение проблемы. Между прочим, укачать щенка нельзя. То есть он, конечно, может заснуть у вас на руках, но стоит только попытаться положить его на место, мелкий поганец тут же просыпается и начинает орать ещё жалобнее. В-

третьих, если скулящему щенку дать поесть, он моментально затыкается и засыпает.

На работу Рюрик приехал совершенно вымотанный и злой. Даже Светочка, словно почувствовав, что может огрести от раздражённого коллеги, вела себя на удивление тихо. Когда Рюрик подошёл к начальнику отпроситься с обеда, тот не стал возражать, сочувственно глядя на подчинённого, у которого явно были какие-то тяжёлые проблемы. Какие – неизвестно. Не говорит человек – и не надо, чего в душу-то лезть. Надо будет – потом поделится.

Домой Тарасов нёсся, как курица, отлучённая от своего цыплячьего выводка – целеустремлённый и взволнованный.

Уже открывая замок, он услышал тоскливый визг подопечного. Тональность плача разрывала сердце. Рюрик ощутил себя садистом и предателем.

– Ты мой маленький, – запричитал он, ринувшись к коробке.

Маленький тут же радостно запиликал, приветствуя хозяйина. Запас еды, оставленный ему в коробке до вечера, был полностью съеден, переварен и выдан обратно. Сам обжора был основательно в этом «выданном» перепачкан. Это Тарасов осознал сразу, едва взяв щенка в руки.

– Фу ты, – рассмеялся он и потащил грязнулю в ванную. Никакой собачий шампунь он накануне покупать не стал. И

специальные щётки, мочалки и прочую ерунду – тоже. Поэтому щенок был вымыт ментоловым гелем для душа и высушен феном. Наверняка это было неправильно и ужаснуло бы любого опытного собаководы, но Рюрику на чужое мнение было плевать. Зато щенок снова был чистым и счастливым. Он самозабвенно грыз Тарасовский палец, пока хозяин пальца задумчиво разглядывал «гнездо».

В самый неподходящий момент, когда Рюрик запихивал останки полушубка в мусорный пакет, стараясь не испачкаться, и бдительно косил глазом на найдёныша, чтобы тот опять куда-нибудь не запропастился, позвонила Татьяна.

– Чего мобильный не берёшь? – отчитала она Тарасова. – Я узвонилась уже. И на работе тебя нет. Что случилось? Заболел?

– Нет, – пропыхтел Рюрик, пытаясь ухом удержать телефонную трубку.

– Ты что так дышишь тяжело? У тебя случайно не романтическая встреча там, а?

– Нет, – односложно буркнул Тарасов. Полушубок в пакет не влезал. Рукава, перемазанные явно не шоколадом, торчали наружу. Нужен был ещё один пакет и, наверное, скотч. Подопечный суетился рядом, мешаясь под ногами. Его чрезвычайно вдохновляли Тарасовские тапки, на которые щенок начал охотиться.

– Юрик, в чём дело? Ты какой-то не такой! Колись давай!

– Тань, это долгая история. Ты чего позвонила?

– Хам ты, вот что, – припечатала Ханина. – Звонку девушки надо радоваться, а не задавать такие бестактные вопросы.

– Ты не девушка, ты друг, – напомнил Тарасов. – Но я тебе рад. Просто сейчас занят.

– Девушкой?

– Нет, Тань, не девушкой! – вздохнул Рюрик. Если Ханиной что-то надо, то она не отвяжется. Татьяна привыкла добиваться своего в предельно сжатые сроки. – У меня... кхм... собака.

– Чего-о-о-о? – одурело протянула Татьяна. – Я не ослышалась?

– А что такого? Можно подумать, я не могу завести собаку, – вдруг обиделся Тарасов. – Все заводят, и я завёл.

– И какая порода?

– Хрен её знает, – честно ответил Рюрик.

– А где взял?

– В подъезде подобрал, – с вызовом сообщил он. – А что?

– Ты вырос в моих глазах, Тарасов, – с чувством объявила Татьяна. – Ты мой герой. Не каждый на такое способен.

– Издеваешься?

– Да ни в жизнь! – искренне подтвердила Татьяна. – Зуб даю. Я, честно, тебя ещё сильнее заужала. Потому что я бы не взяла. Это ж каюк вещам, обуви, мебели и спокойной жизни. Её надо выгуливать, кормить, блох вычёсывать.

– У него нет блох, он маленький, – испуганно пробормотал Рюрик.

– Вырастет – будут, – пообещала подруга. – Да не дрейфь, сейчас есть противоблошинные ошейники. И вообще, сейчас чего только нет для домашних питомцев, так что всё не так страшно. И вообще, это ж такое мимими, сплошные позитивные эмоции, настоящий, верный друг. Собаки и стресс снимают, и на психику человека позитивно влияют. И вообще – ты спас живое существо. Я приду потискать его, ладно?

– А тебе собачка не нужна? – с надеждой поинтересовался Тарасов. – Могу насовсем его отдать, тискай хоть круглые сутки. Мне его выгуливать некогда. И кормить надо по часам, а я работаю.

– У тебя есть мама, – напомнила вредная Танька. – Кстати, как Валентина Петровна отнеслась к пополнению в семействе?

– Она ещё не в курсе, – вздохнул Тарасов. – Я как раз планировал её обрадовать, и тут ты позвонила.

– О, кстати, Я чего позвонила-то. Ты мне нужен на смотрины.

– Опять? – простонал Рюрик. – Таня, сколько раз повторять – я не разбираюсь в мужиках. У меня, может быть, совершенно субъективное мнение, к которому вовсе не обязательно прислушиваться. Меня и так гложет чувство вины, что из-за меня ты до сих пор не замужем. Наверное, хоть разок мне следовало соврать или хотя бы не озвучивать всё, что я думаю. У тебя бы сейчас уже дети были. А я бы подарил им щеночка. И детям весело, и мне хорошо.

– Какая корысть слышна в твоём голосе, – заржала Ханина. – Умеешь ты подо всё базис подводить. Нет, Тарасов, не спорь. Ты гениальный интуит. Потому и сам ещё не женат и без детей. Потому что, как ты совершенно справедливо однажды заметил, хороших женщин много, а хороших жён – единицы. Спать с женщиной недостаточно, с ней ещё нужно уметь уживаться. Эмоциональный фон должен совпадать, интересы, кармы. Мужчина и женщина должны быть как два фрагмента от одного пазла. И ты, я верю, нужный мне фрагмент найдёшь, зайчик мой.

– Ясно, зайчик снова попал, – проворчал Тарасов.

– Ты не попал, – заявила Татьяна. – С твоим чутьём на этом надо зарабатывать. Разбазариваешь свой талант, Юрик, как последний лох.

– Ханина, давай ближе к делу. Кто на сей раз? А то у меня тут ещё дел вагон, поэтому излагай кратко.

– Слушаюсь! – дурашливо рявкнула Танька и зачастила: – В субботу ты идёшь в кафе на набережной, ну, где обычно, помнишь?

«Как обычно» – это было уютное кафе с увитыми цветами перегородками. Там было очень удобно наблюдать за парами, сидя совсем рядом. Татьяна этим и пользовалась, притаскивая туда кавалеров на смотрины.

Удивительно, но всякий раз мужики у неё оказывались совершенно неподходящими. Вроде умная, крепко стоящая на ногах женщина, дальновидная, а в противоположном по-

ле разбиралась хуже, чем Тарасов в бюстгальтерах. Проще говоря, вообще не разбиралась, хватая первое попавшееся. Причём вроде сама Ханина говорила, что абы кого не берёт, долго думает, прежде чем пойти на сближение, но в итоге приводила на смотрины совершеннейшее «не то». Иногда и мужчины были неплохие, но сразу было ясно, что сама Татьяна с ними не уживётся. Причём она даже спорила и возражала, что, дескать, не такая уж она стерва, запросто стерпит, но в итоге только теряла время, признавая правоту Рюрика.

– Я на твоих кафе разорюсь или пузо отъем, – желчно заметил Тарасов.

– А ты там жри поменьше, – доброжелательно посоветовала подруга. – Купи воды и цеди через трубочку. Не в театр же из-за тебя переться. Тем более что в театре ты не разберёшься, подходит мне Веник или нет.

– Слушай, Баба-яга, – загоготал Тарасов так громко, что щенок вздрогнул и немедленно описался. Пришлось брать его на руки, чтобы успокоился, а то будет потом лаять с заиканием. – Какой ещё веник? Метла и ступа тебе нужны, насколько я помню из литературы. В крайнем случае – избушка на курьих ножках. Всё это тебе, безусловно, пойдёт!

– Остроумец, – процедила Ханина. – Не захлебнись там весельем, собаковед. Вениамин – так понятнее? Это директор нашего нового филиала.

– Филиал, надеюсь, не в Магадане? – заботливо поинте-

ресовался Рюрик.

– В Хельсинки филиал. Лопни от зависти, инженеришка, – не осталась в долгу Татьяна. – Ну что, будешь дальше в остроумии упражняться или о деле поговорим?

– Ладно, только я долго не могу, мне щенка кормить надо по часам.

– Надеюсь, не сиськой кормить-то? – хмыкнула подруга. – Ты просто как мамаша в декрете. В субботу в два. Буду ждать. Имей в виду, Веник... Вениамин очень интеллигентный, хорошо воспитанный и перспективный.

– Не надо мне его нахваливать, сам разберусь, – отмахнулся Рюрик. – Буду. У тебя случайно нет никого, кому нужен щенок?

– Я поспрашиваю, – пообещала Татьяна и отсоединилась.

– Поспрашивает она, – обиженно сообщил щенку Рюрик. – Врёт ведь. Надеюсь, ты не вырастешь в медведя.

Тут телефон зазвонил снова, и диалог с питомцем пришлось прервать. Хотя тот смотрел на хозяина внимательными глазками-пуговками и, казалось, понимал, что ему говорят.

– Тарасов, забыла сказать, – это снова была Татьяна. – Пока щенок мелкий, лови на него девиц. Они любят всяких зверюшек. Мужчина со щенком или котёнком котируется гораздо выше, чем мужчина с собакой или котом. И несоизмеримо выше, чем мужчина без животных. Под это дело приятных барышень можно даже домой заманивать. Они на это

легко покупаются.

– Можно подумать, без щенка ко мне никто не пойдёт, – озадачился Рюрик. Тот факт, что щенок делает его в глазах женщин привлекательнее, ему в голову не приходил.

– Ой, держите меня, – с сарказмом хохотнула Таня. – А то я и смотрю, что у твоих дверей очередь из баб.

– Да не дай бог, – искренне испугался Рюрик. Ханина почему-то была уверена, что это не он такой разборчивый, а просто выбор у друга детства маленький и некачественный.

Не успел он об этом подумать, как Татьяна озвучила сию светлую мысль:

– Вокруг тебя нет женщин, из которых стоило бы выбирать. Это как помидоры на распродаже брать. Вроде смотришь на ящик, там всё такое красное, привлекательное, а начнёшь копать – этот подгнил, этот с пятнами, этот подвял. Так и с девицами. Не бери бросовый товар, там сложно выбрать достойную. Ройся сразу в первом сорте, тогда будет из кого выбрать.

– Женщина, знаешь ли, не помидор... – начал было Рюрик.

Но подруга лишь фыркнула и отрезала:

– Ещё какой помидор. Просто ты нас идеализируешь. Будь проще, и не надо себя недооценивать. Ты завидный жених, а уж со щенком и вовсе – ценный кадр. Дерзай, пока твой щенок не вымахал в пони или бегемота. Физкультпривет!

И Таня снова повесила трубку.

– Ты, оказывается, добавляешь мне баллов на рынке женихов, – оповестил щенка Рюрик. Тот уютно возился у его груди, придерживаемый рукой. Тёплый, трогательный и тихий. Ещё и слушать умел не перебивая. Может, и не отдавать его никому? Будет с работы ждать, в глаза заглядывать, любить...

Телефон снова запиликал. На сей раз звонила мама.

– Зая, у меня есть для тебя чудная девочка. Интересная, умная, доктор наук, между прочим.

– Это уже заранее пугает, – проворчал Рюрик. – Привет, мамуль, как здоровье?

– Лучше всех, не уводи разговор от темы. Так вот, Ниночка просто прелесть. У неё своя квартира, на твою не позарится. Зарплата не очень, но это и не важно. Она в университете преподаёт. Высокая, стройная...

– Тощая дылда, озверевшая от тупости нерадивых студентов, – тут же пронизательно предположил Тарасов. Судя по досаде, сквозившей в мамином голосе, он почти угадал.

– Да, она чуть выше тебя, но не так уж критично, – недовольно отреагировала Валентина Петровна.

Если учесть, что рост Рюрика был больше метра восьмидесяти, можно было представить себе эту «невесту». Майкл Джордан в юбке.

– С ума сойти, – искренне ахнул Тарасов. – А какие ещё скрытые дефекты у твоей протезе?

– Нет у неё дефектов, – отрезала маменька. – Мне она нра-

вится. Серьёзная женщина...

– Та-а-ак, уже теплее, – раскусил подвох жених. – И сколько женщине лет?

– С тобой невозможно разговаривать, – с отчаянием выдохнула родительница. – Ну чуть старше тебя! Совершенно не критичная разница.

– А точнее?

– На три года всего, ей тридцать шесть.

– Мамуля, когда я тебе жаловался на Свету, ты сказала, что она для меня старовата и рожать первого ребёнка в её возрасте уже не так уж хорошо, а ей тоже тридцать шесть, между прочим. Двойные стандарты, мадам?

– Да тьху на тебя! Где эта твоя полоумная Света, а где Ниночка! – рассердилась Валентина Петровна. – Перестань упираться. Мне надоело ждать внуков. Тебе уже тридцать три, это много.

– Это для девушки много, потому что она уже перестаёт в таком возрасте именоваться девушкой. А для мужчины это вполне нормальный возраст, – оппонировал Рюрик. – Мне не рожать. Женюсь, если найду женщину, которая...

– Никого ты без меня не найдёшь, – перебила его родительница. – Ты не понимаешь, ты слишком чист и наивен, тебя облапошат, отнимут квартиру и выпихнут на мороз!

– Душераздирающая картинка. Мам, я вполне взрослый и самостоятельный мужик. Разберусь как-нибудь. Не надо мне никаких Ниночек подгонять. Это неприлично и мучительно.

– Я хочу внуков, – мрачно напомнила мама. – Я хочу их кормить, заботиться о них, выгуливать. А с такими темпами по устройству личной жизни с гипотетическими внуками я смогу встретиться только на собственной могиле.

– Кстати, у меня для тебя новость.

– Хорошая? – с сомнением уточнила Валентина Петровна. Можно подумать, что сын отродясь ничем её не радовал, сообщая сплошь трагические известия.

– Как посмотреть, – честно охарактеризовал новость Рюрик. – Ты же хотела внуков?

– Не пугай меня, – взвизгнула маменька. – Я хотела внуков от проверенной девушки. Мною проверенной! И что теперь? Кто она? От тебя залетела какая-то лимитчица? Охумутала тебя, дурака? Так я и знала, нельзя это дело пускать на самотёк! Ужасно! Кошмарно! Мне плохо! Где мой корвалол?

– Mam, я не говорил, что от меня кто-то залетел, – просто-напросто Тарасов. Похоже, будущая бабушка сама не знала, чего хочет. Нет внуков – плохо, будут – катастрофа.

– Ты же сам сказал про внуков!

– Я просто начал издавека...

– Нет, только не это! – взвыла Валентина Петровна. – Ты берёшь женщину с чужим ребёнком! Нет! Я хочу своих внуков! У чужих неизвестно какие гены! Это может быть ребёнок алкоголика! Или дебила!

– Мамуль, но ты сама несколько раз приводила мне девиц с детьми. Эта, как её, Даша, например, – робко напомнил

Рюрик, в душе радуясь, что никто от него не залетел, и никаких дам с детьми на горизонте не было.

– Это проверенные дети от нормальных отцов. Не смей портить генофонд нашей семьи!

– Если я правильно помню, папаня мой не из графьёв был, – резонно напомнил Тарасов. Иногда маман злила его чрезвычайно.

– Ну и что? Тем более нужно улучшать гены. – Валентина Петровна за словом в карман не лезла.

– Слушай, давай сменим тему. Мне нужна твоя помощь, – устало вздохнул Рюрик. Зайти издалека не получилось, и сил на дипломатию уже не осталось. – У меня щенок.

– Что у тебя? – напряжённо уточнила мама.

– Не что, а кто. Щенка я подобрал.

– Подобрал? – обморочно уточнила Валентина Петровна. – Ты его руками трогал?

– Мам, перестань, он абсолютно здоров...

– Ты носил его к ветеринару?

– Нет ещё, но...

– Рюша, ты невероятно безответственный человек! Ты ужасен! Я растила тебя, воспитывала, а ты рискуешь жизнью, приносишь домой неизвестно что! – взвыла маман.

– Он хороший, – неожиданно обиделся Тарасов. – Здоровый, толстопузый и классный. Но его надо правильно кормить. Кашами и овощными пюре. Каша у меня не получилась, я уже сжёг кастрюльку...

– Я сейчас приду, – отчеканила мама и бросила трубку.

– Вот, сейчас придёт добрая фея и накормит нас, – удовлетворённо сообщил щенку Рюрик. – Она будет орать, но ты не бойся. Она на самом деле хорошая.

Мама пришла уже через полчаса. Самое удивительное, что кастрюльку с готовой кашей она принесла с собой.

– Где ты кашу-то взяла? – изумился Рюрик.

– Сварила, – буркнула мама. – Показывай своё приобретение. Сам руками не трогай. И руки после него мой, не забывай.

Она опасливо заглянула в коробку. Щенок радостно замолотил хвостом, увидев новое лицо.

– Какой ужас, – вздохнула Валентина Петровна, достав его и осторожно прижав к себе. – Не вздумай давать ему взрослую еду, он может отравиться. Я завтра приду и сделаю пюре. Какой он толстенький. Как зовут?

– Кого? – опешил Тарасов.

– Ну не тебя же, – усмехнулась мама. – Как зовут тебя, я помню, в маразм ещё не впала. Мелочь эту как зовут?

– Никак не зовут. Я его без документов нашёл, – озадачился Рюрик.

– Тогда будет Михаил, – резюмировала мама.

– Почему? По-моему, какое-то странное имя для собаки, – помотал головой Тарасов.

– Он очень похож на твоего отца – безмозглый, везде га-

дит и осложняет людям жизнь. Ты как хочешь, а я буду звать его Михаилом.

– Мне не нравится, – набычился Тарасов. – Я его потом как-нибудь по-другому назову.

– Назови, – не стала спорить мама. – Пошли. Я ещё и котлеты принесла. Тебе. Ему нельзя, они перчёные. Гарнир у тебя есть?

– Нету. Я без гарнира съем, – радостно разулыбался Рюрик. Часть проблем была решена, от этого на душе стало спокойнее.

– Вот, сын, ты уже завёл собачку. Вообще-то это удел одиноких баб, у которых в жизни нет никаких перспектив. Нет мужа, нет ребёнка, и они, чтобы не скучать в квартире в одиночку, заводят себе животинку. Для заполнения моральной пустоты. Поздравляю, ты начал стареть, – Валентина Петровна опустила щенка в коробку и пошла на кухню.

Тарасов покорно посеменил следом.

Покормив «проглотов», мама унеслась домой смотреть вечерний сериал. У щенка осталось ещё одно кормление и совершенно не осталось каши.

– Ну ты здоров хомячить, – искренне изумился Тарасов. – Как хочешь, на ужин будут пельмени. Я б тебе и котлету дал, но они закончились. Знаешь, мы с тобой на удивление прожорливы. Пошли, займёмся делом.

Щенок, что удивительно, послушно потрусил за хозяином

в комнату. Под делом Рюрик подразумевал регистрацию на сайте знакомств.

Заполнение анкеты шло сложно. Толстопуз возился на коленях у Рюрика, норовя шлёпнуться на пол, и очень мешал. Пришлось брать его на руки и печатать одним пальцем. Напечатав пробный текст, Тарасов недовольно перечитал его вслух и спросил щенка:

– Как думаешь, пойдёт?

Тот недовольно чихнул.

– Согласен, – кивнул Рюрик и текст стёр. Следующий вариант вызвал у пушистого критика зевоту, ещё один – недовольное повизгивание.

– Да ты ценитель, как я погляжу, – восхитился Тарасов и резюмировал: – Что-то я сегодня не при музе. Давай просто анкеты посмотрим. Не могу я ничего писать, настроение не то.

Когда щенок одобрительно тявкнул, у Рюрика глаза полезли на лоб. Похоже, теперь у него был советчик и собеседник.

Перебор анкет уже носил скорее естествоиспытательский характер. Тарасов выбирал фото дам, зачитывал анкеты и требовал реакции. Одобрительное тявканье он получил лишь единожды, когда на экране появилась фотография очаровательной шатенки с толстой косой, чувственными губами и огромными глазами. Рюрик любил большеглазых девушек. В них было что-то романтическое и возвышенно-одухотворённое.

– Да, я тоже считаю, что она очень даже ничего. Давай напишем, раз тебе нравится, – согласился Тарасов. – А анкету заводить всё равно придётся. Сделаем так, фото поставим, а текст завтра придумаем для резюме. Зато девушке напишем всё как есть. И про уровень доходов, и про тебя, и про одинокое сердце.

Щенок удовлетворённо закричал.

Письмо красавице они составляли долго и мучительно, стирая, правя и старательно подбирая слова.

– Нет, я считаю, писать, что получаю немного – неправильно. Она подумает, что я какой-нибудь убогий бюджетник. Я нормально получаю, но не олигарх. То есть не нормально, конечно, мне самым безобразным образом не доплачивают, но мы не бедствуем. Хотя писать, что я не бедствую, тоже как-то кисло. Давай напишем «романтик со средними доходами». Да?

Советчик почему-то промолчал. Тарасов пригляделся и обнаружил, что тот спит. В принципе, можно было и без щенячьих консультаций обойтись. Ведь всё равно очень многое о человеке в первую очередь говорит фото. Если, конечно, оно удачное и не отфотошопленное. У Тарасова было именно такое. Коллеги щёлкнули его на работе во время какого-то местного торжества. Там Рюрик был весел, беззаботен и при этом прилично одет. В общем, фотография отражала его суть, а заодно показывала и место работы, и стиль в одежде, и немного – характер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.